

Киевское слово.

1896. 28 сентября. № 3130.

С. 1.

скаль сааь русской молодежи, ее идеалы, ее жизнеспособность.

I.

Редакторы этого интересного издания, Д. В. Григорьевич и А. Н. Майков и Я. П. Полонский, снабдили книгу каждый своим отдельным предисловием. Почтенный редактор „Антон-горемыки“ дает студентам-писателям совет не устану трудиться и, трудясь, неустанно вдохновляться великими учителями нашими—Пушкиным и Гоголем. И, кажется мне, в словах последнего из могикан 40-х годов скрывается скрытое полупризнание того, что студенческое поколение мало работает, мало осмыслило и мало любит гениальных творцов „Онѣгина“ и „Мертвых душ“.

Лепидарный стилист, А. Н. Майков, радуется возвращению молодежи снова к поэзии; перечитывая эти опыты юных лиц, — говорит он, — испытываешь такое же ощущение, как „когда войдешь раннею весною в молодую рощу, начинающую опустаться первым распускающимся листом, — она только что пожелтела, чуть начинается зеленеть, но вы чувствуете уже пробудившуюся кругом силу жизни, вы радуетесь обильному вас чистому, ароматному, теплему весеннему воздуху“... Не знаю почему, но мне чудится, будто — опять лишь из любви к поэзии — поэт не договорил о том, что самая предняя испарения поднимаются из земли всего чаще „раннею весною“, что тогда-то именно „в молодой роще“ легко схватить и неслыханный насморк, и тяжкий ревматизм.

Задуманный и добрый лирик, Я. П. Полонский, радуясь современному обилию русских стихотворцев, объясняет их многочисленность и бездарность „легкостью, с какою смотрят в настоящее время на поэтическое творчество“. Раз-вѣ? А не проще ли и вѣрѣе это невыносимое расстройство Надсонов, Манских и Мереминских объясняется отсутствием у нас серьезных общественных интересов и падением эстетического вкуса? Въ 60-е годы, время доми старого строя и возмездия нового, каждый, кто мог держать перо в руках, работал горячо и убедительно в том или другом лагерь, некогда было писать статьи на очереди стали необходимые, требовавшие быстрого разрешения, вопросы. Съ пришествием на-

шей эпохи, эпохи медленной, осмотри-тельной и спокойной работы надъ созиданиемъ экономическихъ устоевъ государства, всё, кому отъ природы дороги фразы и шумиха, бросался въ „пист-ство“. А тутъ еще пришелъ „чужезыи“ и требуетъ пѣнцовъ себя по плечу. Чужезыи, полагаю, причины заполнения нашего книжного рынка многотрудными томами ужасившихъ виршей. Не радоваться, а глубоко печалиться должно объ этомъ явлении, подчеркивающимъ скудость и убожество нашей общественной и интеллигентной жизни.

Въ общемъ, вступительныя замѣтки всѣхъ трехъ уважаемыхъ ветерановъ русского слова носятъ симпатичный отъноскъ благожелательства и присутствия, съ какою мать смотритъ на первые шаги своего малютки. Но въ сердца всѣхъ матерей гнѣздится твердая уверенность, что этотъ, теперь такой невольный и связанный въ движенияхъ, ребенокъ скоро начнетъ шагать бодро и смело, а могутъ ли поручиться за то же гг. редакторы студенческаго сборника?

II.

Среднимъ числомъ студентамъ-писателямъ, о которыхъ мы будемъ толковать, теперь лѣтъ 20—24. Родились они между 1872 и 1876 годами и выросъ славнолюбя и патриотизма 76—78 гг. не могъ хотя-бы и косвенно повліять на нихъ. Новый духъ, новый вѣяніи врываются въ русскую школу, гдѣ они обучаются. Ко времени вступленія ихъ въ университетъ, во всей своей нестройности и искренности, звучитъ проповѣдь Льва Толстого, а въ воздухѣ носится модная лженаучная теорія Ломброзо, признавъ въ декадентству в аскетизму.

Таковы самые основные элементы, думаю мне, изъ которыхъ и благодаря которымъ сложилось міросозерцаніе молодого поколѣнія. Исканіе новыхъ путей, блужданіе изъ стороны въ сторону безъ опредѣленнаго плана, погоня за глѣзъ, „что никогда, никогда не было“ — типичнѣйшія его черты. Но снѣживъ бурно жила, чувствовала и мыслила лѣта 60-хъ и 70-хъ годовъ, „отцы“, чтобы оставить еще запасъ духовной и интеллигентной энергіи своимъ „дѣтямъ“, в наши рыцари, сны реакція, лица свое принцессу Гречу, не брать, какъ то съ стороны, на въ собственную способность любить Гречу, на даме въ ее существованіи.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСѢДЫ.

Русская молодежь, какъ она есть.

Въ рѣдчайшія случаи исполнять нашу молодежь, заглянуть въ святая святыхъ ея души! Студенты петербургскаго университета издали въ пользу бѣдныхъ соотечественниковъ сборникъ *), составленный повсюду изъ своихъ литературныхъ произведеній. Если по-слушавъ списокъ протокольно рисуетъ намъ вѣрнѣю біографію человека, то каждая строчка, вышедшая изъ-подъ руки писателя да еще начинающаго, позволяетъ внимательному наблюдателю протокольно охватить внутренний, духовный обликъ автора. Добавимъ, что въ данномъ случаѣ авторамъ у насъ около тридцати, что всѣ они приблизительно одного возраста, получая приблизительно одну и ту же подготовку, избраны со всѣхъ концовъ одной и той-же Россіи, — а намъ представляется полная возможность, путемъ тщательнаго анализа, опредѣлить настоящее достоинство творче-

*) Литературный сборникъ произведенийъ студентовъ Императорскаго с.-петербургскаго университета подъ редакціей Д. В. Григорьевича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго въ пользу бѣдныхъ соотечественниковъ студентовъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. С.-П. 1896.

Киевское слово.

1896. 28 сентября. № 3130.

С. 1.

Таким образом, объективно построение, едва замеченное выше, позволяет уже а priori усомниться в успешности литературных и общественных действий нашей молодежи, а фактическое ознакомление с ними подтверждает эту печальную догадку.

Сборники, как когда-то альманахи „Сверные цветы“, раздвигаются на прозу и стихи. Из от двадцати (ну-ну!) произведений, помещенных в нем, 85—написаны ритмической речью, остальные 35—речью не метрической, в тех и других вы не найдете ни капли истинной поэзии, трогающей ваше сердце: нисколько царить тоскливая, сбрешенная проза, плод холодного неглубокого ума, без искры живой фантазии, без намека на неподдельное чувство.

III.

Первое, что сразу бросается в глаза непредубежденному читателю, это как-то осмысленность и недобросовестность вех помещенных в сборники опытов. Этого очень чувствительный недостаток, я не могу объяснить себя узкими рамками, в тесном смысле этого слова, отведенными каждому отдельному автору. Причина хоронится, полагаю, здесь в неподготовке и обрывочности художественной натуры дебютантов: сам язык наш не создает цельных крупных фигур. Дробность и раздробленность русских культурных запросов дифференцирует личность, у малых ее и только переросший цыбый головной толпу человек не поддается этому гибельному влиянию времени. Такими, в социальном, быть среди петербургских студентов-авторов.

Что сказать в отдаленности о той или другой вещи? Из не за что ни жалеть, ни ругать: все—негладко, довольно случайно, очень старо и сотня раз переделано. В рассказе с гриневым названием „Къ идеалу“ г. Н. Досогого изображается тревожащая бедной жизни, мечтающей, как о светлом идеале, до воображаемого неба,—присвоив, умом и богатом арестован. Развиг это не благо, а характеристика среды и воспитания, развивающая эту опасность для бедной души нечестность,—было бы задачей и не трудной, и приятной. Но г. Досогого ограничили сузить фотографический

снимок, взятый из действительности, не был в состоянии или не сумел ввести в свой труд той „визушки“, за необходимость которой всегда горячо ратовал Н. С. Тургенев, и проба его пера сильно смахивает на полицейский протокол, дополненный и размазанный словоохотливым наблюдателем не из зорких. Великим мастером в этой маленькой области—раскрытии психологической подкладки обиденных случаев и заурядных лиц—но справедливости признается А. П. Чехов, которому заметно подражал другой сотрудник сборника, г. В. Голиков, автор повести „Детская любовь“.

Уже само название приводит на память анализ пробуждения полового чувства (или любви,—как угодно) у ребенка, безподобно сданный О. М. Достоевским. Удерживаясь от концистического сравнения, замечу, что повестушка (в ней всего 8 страниц) г. Голикова написана живо, но не сильно и не образно. В большую вину должно поставить г. Голикову сильный порнографический букет, с пошлостью, отнимающий у скиса ту эстетическую и трогательную дымку, какой всегда окутываются в нашем сознании повести по какому-то влечению действительности.

Заслуживает внимания, как образчик анти-эстетического творчества и смелых путей на глубокомыслие, рассказ г. Д. Ивченца „Отшельник“. Не легко да и бесполезно разбираться в этой дряблени, типичной лишь как шаблон, увы, безплодная!—русских студентов решать мировые вопросы в беллетристической форме.

Но истинно тяжелое впечатление производят то художничанье, доманье, и длинноты, каковы свозить в опытах гг. Ордина („Requiem“), Веронистова („Слу-у-у-шай!“), и Корытко („О том, что шибела ласточка и что наваркала ворона“). Воле мой, сколько в этих вещах скверной, тенденциозной фальши на тему о необходимости жертвовать личными счастьем для общего блага и т. д. Не то, чтобы авторы не вливали в вещи, которыми они приподнимают, которые (то они узнают, впрочем, с удивлением) умнее стары и давно признаны всеми, но в голосах наших молодых литературных питомцев звучит отравительная нота гражданской тенденции, недопустимая на в одно про-

изведение истинного искусства. Да и сама нота берет от питомцев с какими-то самодовольно скверными привесками: „смотрите, с дешевым дорогом кричат они,—какие мы герои, какие мы честные и умные!“

О стихах петербургских студентов, я распространяться не буду: они положительно не стоят того. В них крошечный смысл, форма, построение, даже мифа и рифмы. Есть, правда, одно лишь единственное советское недурное стихотворение г. В. Голикова, но оно несомненно навеяно гр. А. Толстым. Безусловной похвалы заслуживают виньетки и некоторые рисунки г. Н. Рериха; его „В Греках“ и „Наказание Царевича на избушку убогую“ полны вкуса, археологического чутья и сильного проникновения духом народных русских сказок.

Кстати. Заключительная виньетка г. Рериха изображает какую-то странную птицу—не то сова, не то ворона—балансирующую на трех толстых фалангах. Причем тут это пугало? Или художник, имев в виду известную русскую поговорку, хотел охарактеризовать весь сборник? Но как-же он зовет тогда, этот г. Рерих!

IV.

Итак, среди двух с половиной тысяч студентов петербургского университета нашелся лишь один с проблемным талантом, остальные же ограничить свою литературную деятельность, должно быть, своими первыми пробами. Ни заветных целей, ни идеалистических идеалов, ни молодой храбрости, ни желания побороться с темными сторонами жизни не обнаруживают их, бездарных писателей. И наш приговор о русской молодежи выданный был в разное осуждение ей всей поголовно, если бы не было еще свидетелем в памяти общества доброе и великое в своей скромности дело борьбы наших студентов с голодом и эпидемией. Помянутые же отщепенцы люди, не имея ставить предстать на чужое поколение.

Конечно, мы слышали об этих делах: они работали советом титом, без фанфар, без треска, без выноса в свет никаких новобитых, ну и в сборники.

М. Гамбург.